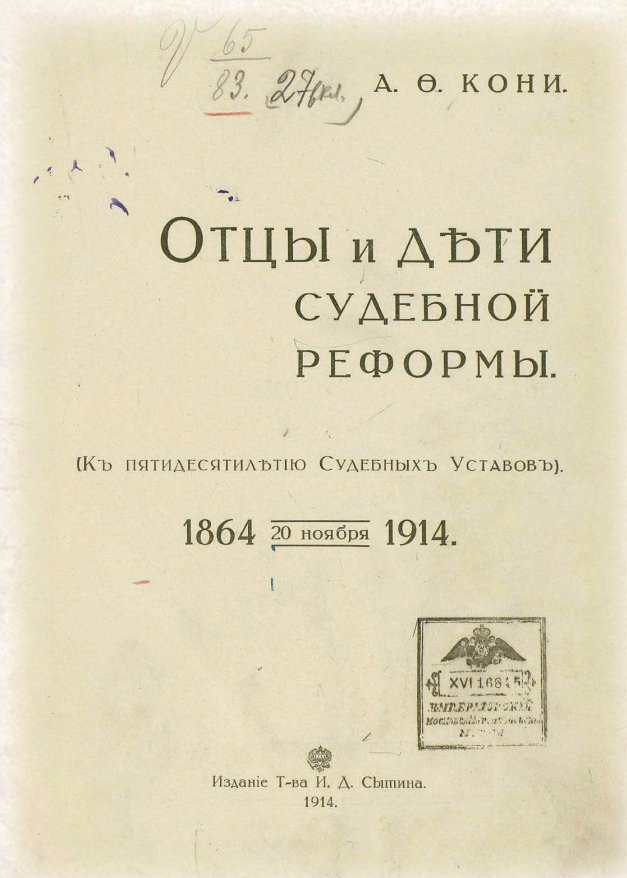

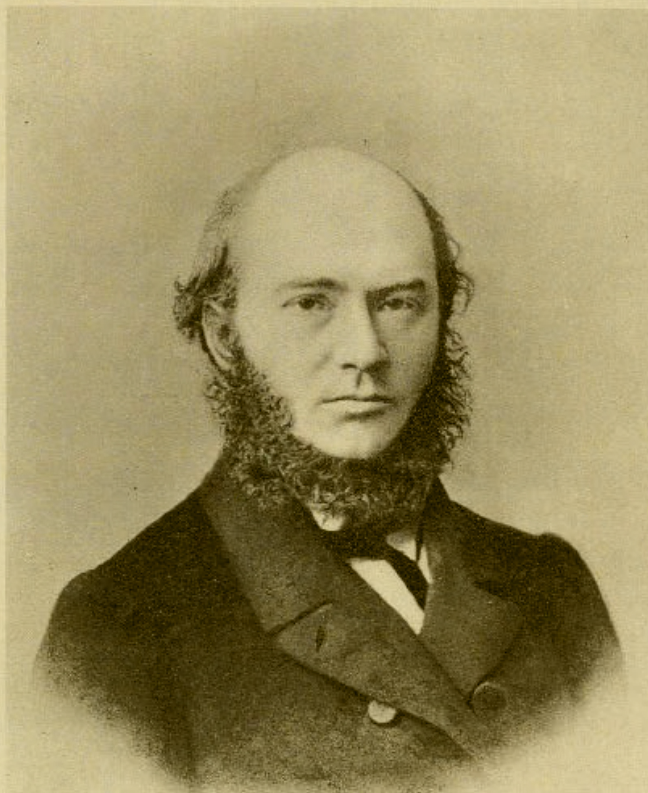
Кони А. Ф.
К портретам²

Посвящается
молодымъ
судебнымъ дѣтелямъ.

² Кони А. Ф. К портретам // Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных уставов). 20 ноября 1864—1914. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1914. С. 276—284.

Дмитрій Александрович Ровинскій.

Къ портретамъ.

Не всѣмъ дѣятелямъ первыхъ годовъ судебной реформы, изображенія которыхъ—отдѣльно и въ группахъ—помѣщены въ настоящей книгѣ, посвящены болѣе или менѣе подробные очерки. Между тѣмъ нѣкоторые изъ этихъ дѣятелей заслуживаютъ особаго упоминанія и доброй памяти, какъ ближайшіе ко времени введенія Судебныхъ Уставовъ осуществители коренныхъ началъ, вложенныхъ въ послѣдніе. Среди нихъ, прежде всего, слѣдуетъ упомянуть перваго предсѣдателя московскаго Окружнаго Суда *Елисъя Елисъевича Люминарскаго*. Къ тому, что о немъ уже сказано въ статьѣ о Замятнинѣ, какъ о «судѣ отъ головы до ногъ» и для характеристики того свѣтлаго и бодрого взгляда, съ которымъ первые судебные дѣятели смотрѣли на задачи преобразованнаго суда, можно прибавить указаніе на его рѣчь, обращенную къ впервые назначеннымъ судебнымъ приставамъ послѣ принесенія ими присяги. «Надѣюсь, сказалъ онъ, что вы оправдаете ожиданія общества и правительства; на васъ лежитъ священная обязанность не только поддержать, но возбудить упавшее нынѣ довѣріе къ силѣ и власти суда—довѣріе, безъ котораго парализуется и самое отправленіе правосудія». Очертивъ, затѣмъ, бесплодность предписаній закона, начиная съ 1721 года, о безостановочномъ приведеніи въ исполненіе рѣшеній гражданскаго суда и дѣятельность полиціи по этой части, онъ продолжалъ: «Вамъ, господа, извѣстно, что рѣшенія судебныхъ мѣстъ, а нерѣдко и Сената исполнялись не недѣли, не мѣсяцы, а цѣлыя годы,—даже десятки лѣтъ. Выиграть дѣло въ судѣ не значило выиграть его дѣйствительно и получить искомое и присужденное. Цѣлыя состоянія переходили изъ рукъ въ руки, а иногда и совершенно растрчивались отвѣтчикомъ прежде, чѣмъ истецъ, выигравшій тяжбу, получалъ удовлетвореніе. Господа! вы клялись честно и добросовѣстно исполнять всѣ обязанности принимаемой вами на себя должности. Исполните же, господа, вашу клятву. Возстановите довѣріе къ суду и закону, составляющимъ основу государственнаго порядка, безъ которыхъ немислимо и самое государство. Соединитесь дружно для достиженія высокой цѣли. Пусть всякій убѣдится, что со введеніемъ въ дѣйствіе Уставовъ 1864 г. дѣла вершатся не только на бумагѣ, но и исполняются на самомъ дѣлѣ. Пусть не бѣдность стра-

Прокуратура Петербургскаго Окружнаго Суда (1872—1874 гг.).

Стоять — слѣва направо: Товарищи Прокурора Я. А. Плющевскій-Плющикъ, А. Ф. Шульцъ, А. В. Безродный, В. И. Жуковский, В. М. Веселкинъ, Г. Г. Гогель, К. И. Кессель, И. С. Денисьевъ, Б. П. Кобыльскій, В. Г. Вильямсонъ, В. И. Шульгинъ.

Сидятъ — слѣва направо: Товарищи Прокурора А. Л. Боровиковскій, А. А. Марковъ, С. И. Суходольскій, А. Ф. Масловскій, Прокуроръ А. Ф. Кони, Товарищи Прокурора А. И. Вышинскій, В. А. Желеховскій, И. А. Николаевскій и С. А. Андреевскій.

шится богатства, а напротив богатый, но неисправный должник спѣшить удовлетворить своего незнатнаго кредитора. Пусть исполнительный листъ въ вашихъ рукахъ будетъ сильнѣе денегъ и связей сильныхъ міра сего. Съ этимъ оружіемъ вамъ некого и нечего бояться. Защитой вашей будетъ судъ и законъ. Поддержите же, господа, значеніе судебныхъ учреждений и заставьте умолкнуть поклонниковъ стараго порядка, съ недовѣріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ скрытымъ недоброжелательствомъ относящихся къ новому суду». Коренной москвичъ, Люминарскій до такой степени сжился съ Москвою и тамошними судебными установленіями, въ которыхъ въ послѣдніе годы своей жизни занималъ должность председателя департамента Судебной Палаты, что, когда ему было предложено въ 1874 году переселиться въ Петербургъ въ качествѣ кассационнаго сенатора, онъ, не желая разставаться съ «бѣлокаменной», настойчиво отклонилъ отъ себя служебное повышеніе, составлявшее предметъ горячихъ вожделѣній и искательствъ для многихъ. И москвичи цѣнили его, съ любящимъ юморомъ повторяя легенду о томъ, какъ одинъ высокій судебный сановникъ, пріѣхавшій въ Москву для ознакомленія съ новымъ судомъ и имѣвшій случай убѣдиться въ судебной самостоятельности и независимыхъ взглядахъ Люминарскаго, жаловался на него, говоря на не совсѣмъ правильномъ русскомъ языкѣ: «.... а въ Москвѣ председатель суда такой странный человѣкъ: большой, большой и все на меня кричалъ. И зовуть его такъ удивительно:—два раза Елисей!...»

Какъ и многіе служители Судебныхъ Уставовъ—перваго призыва—Люминарскій горячо интересовался вопросами уголовной политики. Онъ лелѣялъ мысль о созданіи въ Москвѣ пріюта для безпризорныхъ дѣтей и отбывшихъ тюремное заключеніе несовершеннолѣтнихъ—и имѣлъ счастье видѣть осуществленіе этой своей мечты.

Михаилъ Ѳедоровичъ Громницкій, одинъ изъ первыхъ прокуроровъ московскаго Окружнаго Суда, краткая характеристика котораго тоже дана въ статьѣ о Замятинѣ, былъ, безъ сомнѣнія, не только однимъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ обвинителей, но и первымъ представителемъ тѣхъ пріемовъ обвиненія, которыми руководилась въ первые годы судебной реформы русская прокуратура, выгодно отличаясь въ своихъ доводахъ на судѣ и отъ французскаго дѣланнаго паѳоса и отъ нѣмецкаго канцелярскаго характера рѣчи. До сихъ поръ, почти чрезъ полстолѣтія, рѣчи Громницкаго представляютъ прекрасный образецъ для изученія и подражанія, несмотря на то, что появленію его на прокурорской трибунѣ не предшествовала никакая-либо практическая школа, облегчающая знакомство съ пріемами и способами судоговоренія.

Простой губернскій стряпчій изъ провинціи, онъ сразу и безъ всякой систематической подготовки занялъ выдающееся мѣсто, какъ судебный ораторъ. Сочетаніе силы слова съ простотою слова, отсутствіе всякихъ ненужныхъ вступленій и какого-либо паѳоса, спокойное въ своей твердости убѣжденіе и самое подробное изученіе и знаніе всѣхъ обстоятельствъ и особенностей разбираемаго преступленія—дѣлали изъ его рѣчи то неотразимое «стальное копье закона», о которомъ говоритъ король Лиръ. Почти по всѣмъ большимъ и сложнымъ дѣламъ того времени, о которомъ идетъ рѣчь, Громницкій выступалъ обвинителемъ, являясь не только достойнымъ, но и опаснымъ противникомъ талантливыхъ защитниковъ, которыхъ въ изобиліи выдѣляла

изъ своей среды тогдашняя московская адвокатура. Иногда и самая случайная обстановка судебного засѣданія придавала особое значеніе его рѣчи. Я помню громкое дѣло студента Данилова, убившаго ростовщика и его служанку въ обстановкѣ, аналогичной съ описаніемъ Достоевскимъ преступленія Раскольникова и въ послѣдствіи сродной съ убійствомъ, совершеннымъ Ландсбергомъ въ Петербургѣ, при чемъ надо замѣтить, что Достоевскій написалъ свой романъ до преступленія Данилова (12 января 1866 года), но напечаталъ первую его часть позже, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», вышедшемъ въ въ самомъ концѣ января 1866 г. Въ засѣданіи по этому дѣлу, взволновавшему всю Москву, едва Громницкій всталъ, чтобы начать свою рѣчь въ залѣ суда, которую начинали окутывать раннія зимнія сумерки, совсѣмъ рядомъ, въ Чудовомъ монастырѣ, ударили къ вечернѣ, и звуки колокола съ такой силой влились въ залу, что прокуроръ могъ начать свою рѣчь, лишь когда прозвучалъ послѣдній ударъ колокола. Спокойствіе, безпристрастіе и привлекательная простота приемовъ Громницкаго оказывали несомнѣнное вліяніе на присяжныхъ. Это сказалось въ знаменитомъ процессѣ Матовыхъ, обвинявшихся въ устройствѣ въ окрестностяхъ Москвы умѣло организованной шайки для поддѣлки кредитныхъ билетовъ. Подсудимыхъ было болѣе двадцати человекъ и столько же защитниковъ, такъ что засѣданіе пришлось открыть въ знаменитой ротондѣ московскаго Сенатскаго зданія. Оно длилось много дней, и, когда Громницкій всталъ, чтобы возражать своимъ противникамъ, всталъ и старшина присяжныхъ и отъ ихъ имени заявилъ председателю, что засѣдатели просятъ прокурора не утруждать себя возраженіемъ, такъ какъ они достаточно усвоили себѣ его обвинительную рѣчь. Назначенный по неисповѣдимымъ бюрократическимъ соображеніямъ, — вмѣнившимся въ ничто его талантъ судебного борца, — членомъ *гражданскаго* департамента Судебной Палаты, Громницкій ушелъ въ адвокатуру и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ вернулся въ прокуратуру Судебной Палаты и сталъ изрѣдка выступать обвинителемъ въ Окружномъ Судѣ по сложнымъ и труднымъ дѣламъ, изъ которыхъ особенно выдѣлилось дѣло нотариуса Назарова, признаннаго присяжными засѣдателями виновнымъ въ насильственномъ покушеніи на растлѣніе дѣвицы Черемновой, которая послѣ невѣжественнаго и глубокооскорбительнаго для нея судебно-медицинскаго освидѣтельствованія, удостовѣрившаго ея развратное поведеніе, застрѣлилась на паперти храма Спасителя, при чемъ производствомъ освидѣтельствованія ея трупа удостовѣрено, что она вполне сохранила дѣвственность.

Изъ дѣятелей прокуратуры въ первые годы реформы въ книгѣ помѣщены портреты товарищей прокурора Судебной Палаты — московской — Манасеина и петербургской — Половцова, а также перваго прокурора петербургскаго Окружнаго Суда Николая Николаевича Шрейбера (см. стр. 137) и, наконецъ, группа прокурорскаго надзора петербургскаго Окружнаго Суда за время съ 1871 по 1874 г.г. Подробная характеристика дѣятельности этой прокуратуры вообще и нѣкоторыхъ ея членовъ въ частности приведена въ «воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебного дѣателя», («На жизненномъ пути» изд. 1912 г., томъ I. XI, стр. 172—182); — здѣсь же достаточно указать, что въ числѣ изображенныхъ на группѣ лицъ находятся — вдумчивый и всесторонне образованный судебный дѣатель *Александръ Федоровичъ Масловскій*, къ сожалѣнію, рано оставившій судебное поприще, опытные юристы: *Яковъ Алексѣевичъ Плю-*

Николай Авксентьевич Манасеинъ.

цевский-Плющикъ и Иванъ Сергѣевичъ Денисьевъ и богато одаренные ораторы, какъ *Владиміръ Ивановичъ Жуковскій* и *Сергѣй Аркадьевичъ Андреевскій*, стяжавшіе себѣ затѣмъ обширную извѣстность въ рядахъ адвокатуры.

Николай Авксентьевичъ Манасеинъ, бывший товарищемъ прокурора при Ровинскомъ и Мотовиловѣ, сталъ затѣмъ во главѣ прокуратуры московскаго судебного округа и проявилъ въ этой роли огромное трудолюбіе и энергію, направленныя на служеніе Судебнымъ Уставамъ вѣрой и правдой. Это былъ, какъ говорятъ англичане, «настоящій человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ». Дальнѣйшая его дѣятельность въ качествѣ министра юстиціи въ трудные восьмидесятыя годы, когда судебному вѣдомству приходилось переживать на себѣ взгляды, исполненные недовѣрія и отчужденія, вызывала противъ Манасеина много нареканій и при томъ съ совершенно противоположныхъ сторонъ. Извилистый, полный препятствій и неожиданностей путь министра юстиціи того времени оказался для него гораздо труднѣе, чѣмъ опредѣленные и прочные рельсы Судебныхъ Уставовъ. Кропотливый въ работѣ, входившій во всякія мелочи, страстный и подчасъ рѣзкій, способный охладѣвать къ начатой съ большой энергіей работѣ, не доведя ее до конца, падая духомъ и силами подъ давленіемъ официальной среды, въ которой приходилось дѣйствовать, Манасеинъ не оставилъ по себѣ цѣльнаго образа. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ несомнѣнной доброты и благородства, — чуждый интригъ и лукавства, — прямодушный въ выраженіяхъ своихъ симпатій и антипатій, — способный сознавать и даже оплакивать свои ошибки, — далекій отъ суетнаго честолюбія и смотрѣвшій на свое званіе не какъ на ступеньку къ матеріальному или властному возвышенію, а какъ на тяжкое служеніе, которое, въ концѣ-концовъ, ускорило его преждевременную кончину. Въ душевномъ складѣ и вкусахъ его жила мировой посредникъ *перваго призыва*, и этимъ объясняется та смѣлая оппозиція, которую онъ проявилъ при возникновеніи закона о земскихъ начальникахъ, пока нервное отсутствіе стойкаго напряженія воли не толкнуло его на уступки, давшія пищу его обвинителямъ и недовѣрчиво принятая тѣми, въ согласіи съ кѣмъ онъ ихъ сдѣлалъ. Одинокій въ общественномъ смыслѣ, многими оставленный и позабытый, сошелъ онъ въ тяжкихъ физическихъ страданіяхъ въ могилу, вскорѣ послѣ давно желаннаго имъ увольненія отъ должности министра. Была, впрочемъ, одна область въ его послѣдней дѣятельности, въ которой онъ до конца проявлялъ смѣлость рѣшеній, не совѣтъ обычную во времена уклончивости и компромиссовъ. Это были вопросы вѣротерпимости. Когда дѣло шло о свободѣ совѣсти, онъ обнаруживалъ ясность мысли и сердечную теплоту, чуждую душевной черствости, узкаго буквѣдства и формализма — и это отражалось въ чертахъ его тонкаго красиваго лица и во взглядѣ его прекрасныхъ глазъ. Правильное и человѣколюбивое разрѣшеніе и направленіе уголовнымъ кассационнымъ департаментомъ дѣлъ о преслѣдованіи униатовъ, штундистовъ и пасторовъ Прибалтійскаго края — совершилось при немъ и при его, въ нѣкоторыхъ острыхъ случаяхъ («На жизненномъ пути», т. I., изданіе 1912 года, XXIII — XXV), вліятельномъ сочувствіи.

Товарищъ прокурора, а затѣмъ прокуроръ петербургской Судебной Палаты, *Валеріанъ Александровичъ Половцовъ* былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей судебного вѣдомства первыхъ годовъ введенія судебной

реформы. Человекъ во многихъ отношеніяхъ своеобразный, съ лицомъ, удивительно напоминавшимъ Наполеона I, съ точнымъ и содержательнымъ словомъ и твердой волей, онъ отличался огромнымъ трудолюбіемъ и былъ горячо преданъ судебному дѣлу. Это былъ настоящій прокуроръ Судебной Палаты въ томъ смыслѣ, въ какомъ это званіе понимали составители Судебныхъ Уставовъ. Онъ былъ совершенно чуждъ услужливой бѣготни въ канцелярію Министерства Юстиціи и не искалъ жадно, подобно нѣкоторымъ изъ своихъ преемниковъ, случая отличиться въ глазахъ властей предрержащихъ и тѣмъ снискать себѣ матеріально выгодное положеніе въ области административной службы. Но ни одно дѣло въ Палатѣ не проходило безъ его вѣдома и, во многихъ случаяхъ, изученія даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, при чемъ онъ слѣдилъ за ходомъ и судьбою этихъ дѣлъ въ Окружныхъ Судахъ, часто посѣщая судебныя засѣданія и даже выбирая обвинителей въ соответствии съ ихъ способностями и съ характеромъ дѣлъ. Огромный трудъ обвиненія по такъ называемому Нечаевскому дѣлу въ 1871 году былъ совершонъ имъ съ тѣмъ спокойнымъ достоинствомъ, которое вызывалось истинными интересами правосудія и создало уваженіе къ обвинителю даже въ средѣ его противниковъ. Его самоотверженная дѣятельность въ защиту правъ судебного вѣдомства, столь еще непонятныхъ въ то время многимъ высшимъ представителямъ «усмотрѣнія», сдѣлала его для всѣхъ, его знавшихъ, особенно дорогимъ, но, къ сожалѣнію, кончилась уходомъ его изъ прокуратуры. Самостоятельный образъ дѣйствій его по отношенію къ товарищу шефа жандармовъ, графу Левашеву, представленный и истолкованный въ ложномъ свѣтѣ, вызвалъ служебную опалу и назначеніе его предсѣдателемъ гражданскаго департамента Палаты, сопровождаемое словеснымъ выговоромъ при общемъ служебномъ представленіи. Манеры и оригинальный подчасъ способъ выраженій Половцова давали иногда людямъ, не знавшимъ его ближе, поводъ составлять себѣ о немъ мнѣніе, какъ о человекѣ сухомъ и рѣзкомъ. Казалось, что ему, по своеобразности его натуры, даже правилось создавать о себѣ такое мнѣніе. Но подъ этой наружной холодною и нерѣдкою ироніей скрывалось теплое и отзывчивое сердце.

Въ запискахъ и воспоминаніяхъ судебного дѣятеля («На жизненномъ пути», т. I, стран. 401—403) рассказанъ авторомъ настоящей книги эпизодъ, ярко характеризующій Половцова. Въ петербургскомъ Губернскомъ Правленіи съ 1866 года по 1872 годъ была нѣсколько разъ подвергнута особымъ присутвіемъ освидѣтельствованію въ состояніи умственныхъ способностей молодая дѣвушка баронесса Б. Рядъ тяжкихъ несчастій и злобнаго надругательства судьбы подѣйствовали на несчастную дѣвушку удручающимъ образомъ и заставили ее потерять всякую вѣру въ людей, а рутинная и грубая форма неоднократныхъ освидѣтельствowanій въ нелѣпой по торжественности официальной обстановкѣ особаго присутствія раздражала ее до крайности и побудила рѣшиться на всѣ задаваемые ей вопросы, касавшіеся ея душевныхъ ранъ, отвѣчать упорнымъ молчаніемъ. Это молчаніе при назначенномъ въ послѣдній разъ освидѣтельствovanіи могло грозить признаніемъ ея сумасшедшею, что придавило бы ее навсегда, несмотря на то, что она была вполне здорова душевно и что призванные опредѣлить состояніе ея умственныхъ способностей не умѣли или не хотѣли отличить

Валеріанъ Александровичъ Половцовъ.

печали и тоски, овладѣвшей молодой душою, извѣрившейся въ жизнь и людей, отъ проявленій помѣшательства и слабоумія.

Вотъ что рассказываетъ по этому поводу авторъ «Воспоминаній и замѣтокъ», занимавшій въ то время (1871—1875) мѣсто прокурора петербургскаго Окружнаго Суда. «Въ одну изъ нашихъ долгихъ бесѣдъ въ служебномъ кабинетѣ Половцова въ поздній часъ, когда всѣ служащіе уже разошлись, а онъ сидѣлъ надъ обвинительными актами, дѣлая на нихъ замѣтки своимъ своеобразнымъ крючковатымъ почеркомъ, при чемъ строки неудержимо уходили вверхъ, я рассказалъ ему о дѣлѣ Б. и сообщилъ мои опасенія, что она и вновь не захочетъ говорить. Половцовъ, повидимому, отнесся къ ея судьбѣ равнодушно, назвавъ ее при этомъ дурой. Это было 12 декабря. На дворѣ стоялъ жестокой морозъ, и сильная вьюга слѣпила глаза. Мы разстались въ восьмомъ часу вечера, а въ двѣнадцатомъ мой слуга сказалъ мнѣ, что пришелъ господинъ Половцовъ и желаетъ меня видѣть. Валеріанъ Александровичъ вошелъ въ переднюю въ своемъ обычномъ легкомъ ватномъ пальто, окоченѣлый и весь засыпанный снѣгомъ. На мой удивленный вопросъ о столь позднемъ и необыкновенномъ посѣщеніи онъ отвѣчалъ просьбою дать ему стаканъ чаю и сказалъ мнѣ затѣмъ слѣдующее: «Когда вы ушли отъ меня, рассказавъ объ этой дурѣ, я раздѣлилъ ваши опасенія, что она и опять не захочетъ говорить, и рѣшилъ поѣхать къ ней. Меня сначала не хотѣли пускать вечеромъ въ психіатрическое заведеніе, но я настоялъ, ссылаясь на свое званіе, и былъ проведенъ къ этой дурѣ. Она повернулась лицомъ къ стѣнѣ и ничего не хотѣла отвѣчать. Я сѣлъ возлѣ ея кровати и, попросивъ оставить насъ вдвоемъ, сталъ ей говорить о томъ, что вы рассказали мнѣ объ ея жизни, и просить ее не упорствовать болѣе, обнадеживая, что въ васъ и во мнѣ она найдетъ заступниковъ. Она долго отмалчивалась, и я опять сталъ просить и уговаривать, доказывая, что не всѣ на свѣтѣ противъ нея. Она стала плакать и, наконецъ, отвернувшись отъ стѣны и вступила со мной въ разговоръ. Я ее старался ободрить и утѣшить. Ну, да что много рассказывать! Я просидѣлъ съ нею весь вечеръ, и она *будетъ говорить* въ присутствіи: она мнѣ объясняла. Сегодня же напишу губернатору, прося поскорѣе назначить освидѣтельствованіе, а вы уже позаботьтесь, чтобы снова не обидѣли эту дуру. Ну, вотъ и все. Прощайте, другъ мой. Я согрѣлся и чаю не хочу, а поѣду домой: я сегодня не обѣдалъ». Въ письмѣ, полученномъ губернаторомъ на другой день, Половцовъ писалъ Лутковскому: «Изъ продолжительнаго разговора, который я имѣлъ сегодня съ дѣвицей Б., нельзя было не убѣдиться, что при всей тяжести обрушившихся на нее несчастій, которыя не могли не отозваться на общемъ настроеніи ея духа, она сохранила совершенно ясныя и опредѣлительныя понятія о всемъ, что составляетъ нашу мыслительную и нравственную сферу, и что ни во всемъ внутреннемъ строѣ ея мыслей, ни во вѣшной передачѣ отдѣльныхъ ея впечатлѣній не можетъ быть замѣчено ничего аномальнаго; напротивъ того, все сказанное ею носитъ на себѣ явный отпечатокъ свѣтлой души и образованнаго ума». Прося затѣмъ поспѣшить назначеніемъ новаго освидѣтельствованія Б., Половцовъ указывалъ, что это необходимо, чтобы окончательно убѣдиться въ истинномъ состояніи ея умственныхъ способностей тѣми объясненіями, которыя она имѣетъ представить. «Вы поймете и раздѣлите, — писалъ онъ, — со

мною то глубокое чувство сострадания, которое внушило мнѣ несчастное существо, столь давно испытывающее жестокия для каждого мыслящаго и чувствующаго человѣка страданія и уже готовое почти разстаться съ мыслью быть когда-либо освобожденнымъ изъ той ужасной среды, въ которой оно теперь находится. Если я не ошибусь въ этомъ ожиданіи, мнѣ останется лишь благодарить Провидѣніе за ниспосланный имъ намъ обоимъ случай сдѣлать доброе, хорошее дѣло». 7 января 1872 года состоялось послѣднее свидѣтельствоваіе Б. Когда я пріѣхалъ нѣсколько раньше начала засѣданія и проходилъ черезъ пріемную комнату, я нашелъ тамъ разныхъ лицъ, приведенныхъ для испытанія. Между ними была и Б. въ сопровожденіи представительной надзирательницы. Я подошелъ къ ней: Вы меня знаете? — Да, вы прокуроръ. — Вы будете намъ отвѣчать? вы вѣдь это обѣщали. — Да! отвѣчала она, смотря добрымъ и ласковымъ, уже непотупляемымъ взглядомъ. — О! — прибавила надзирательница, — она станетъ говорить: она стала совсѣмъ неузнаваема. И дѣйствительно, черезъ полчаса, я съ радостнымъ чувствомъ подписалъ протоколъ, на которомъ тою же врачебною рукою, которая такъ долго представляла подъ именемъ Б. роковыя слова: «мрачная меланхолія», было написано: «здорова». Бѣдную дѣвушку взяла къ себѣ изъ больницы вдова тайнаго совѣтника Пейкеръ».

Въ группѣ, изображающей первый составъ харьковскаго Окружнаго Суда и его прокуратуры въ 1867 году при введеніи судебной реформы въ округѣ харьковской Палаты, выдающееся мѣсто принадлежитъ *Эдуарду Яковлевицу Фуксу*. Какъ председатель съ присяжными засѣдателями и руководителемъ судебного засѣданія, онъ былъ безспорно, на ряду съ А. А. Сабуровымъ въ Петербургѣ, однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей первыхъ лѣтъ новаго суда. Веденіе имъ дѣла нѣкоторыми въ шутку называлось богослуженіемъ и не въ шутку производило самое отрадное впечатлѣніе. Невозмутимое спокойствіе, чуждое, однако, холоднаго безучастія, глубокое проникновеніе въ смыслъ и духъ статей Судебныхъ Уставовъ, опредѣляющихъ роль председателя съ присяжными, — обдуманное, ясное, сжатое и вмѣстѣ съ тѣмъ содержательное руководящее напутствіе были отличительными его свойствами. Его разъясненія присяжнымъ ихъ правъ и обязанностей съ характеристикой житейскихъ и юридическихъ особенностей разбираемаго преступленія могли бы быть уместны даже и въ настоящее время, а тогда создавали гармоническое и чуждое предвзятыхъ взглядовъ разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла, отражавшееся и на рѣчахъ сторонъ и на рѣшеніи присяжныхъ. Благодаря Фуксу, между послѣднимъ, судомъ и сторонами чувствовалось единство въ пониманіи своей задачи, а внѣшній порядокъ засѣданія лучше всего поддерживался молчаливымъ и строгимъ взглядомъ председателя, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Живой интересъ къ юридической разработкѣ правовыхъ вопросовъ, не покидавшій его и въ тѣ годы, когда, по большей части, человѣкъ становится безучастенъ къ наукѣ и живетъ лишь на проценты когда-то пріобрѣтенныхъ знаній, послужилъ къ избранію его петербургскимъ юридическимъ Обществомъ въ свои председатели послѣ ухода Стояновскаго. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ его занятіяхъ въ тѣ трудные годы, когда этому обществу пришлось, подобно римской весталкѣ, поддерживать колеблющийся пламень любви къ Судебнымъ Устамъ, задуваемый сквознымъ вѣтромъ вліятельнаго карьеризма.

Первый состав Харьковскаго Окружнаго Суда 1867 года.

Слѣва направо *сидятъ*: членъ суда Цвѣтковъ, товарищъ прокурора Де-Росси, товарищъ председателя Бурнашевъ, председатель Фуксъ, прокуроръ Ненарочкинъ, членъ суда Булахъ, членъ суда Ковалевскій, товарищъ прокурора Морозкинъ и членъ суда Куликовъ; *стоятъ*: членъ суда Зарудинъ, членъ суда Денрерадовичъ, секретарь Бусло, секретарь Жежеро и товарищъ прокурора Кони.

